

АТЕИСТИЧЕСКАЯ ТЕМА В «БОРИСЕ ГОДУНОВЕ»

А. ТЕПЛОВ

с. Михайловское, Пушкинский заповедник

Вряд ли во всей русской литературе XIX века можно найти поэта, у которого творчество было бы столь же насыщено воинствующим атеизмом, как у Пушкина. Изучение этой проблемы, помимо своей общественной актуальности, является очень существенным для раскрытия мировоззрения великого поэта.

Первостепенный интерес в этом плане представляет собою «Борис Годунов». Пожалуй, это вершина пушкинского атеизма. В этой трагедии в связи с атеистической темой решаются ее основные идеи. Такой подход диктовался спецификой самого материала. Нельзя было иначе отразить суть характеров и событий избранной поэтом эпохи, эпохи средневековья, когда общественная идеология почти исключительно воплощалась в религиозных формах.

Достоин внимания такой примечательный факт. Мы знаем три ответа Пушкина на критику и на советы друзей, относящиеся к освещению исторических материалов в трагедии, и все эти три отклика, так или иначе, касаются религиозных вопросов.

Пушкин писал Н. Н. Раевскому: «Грибоедов критиковал мое изображение Иова — патриарх, действительно, был человек большого ума, я же по расеянности сделал из него дурака».¹

Суть, конечно, не в «расеянности»: это сказано Пушкиным, как часто у него бывало, для красного словца. Ведь позже он не сделал никакой попытки исправить свою «ошибку». На деле у него был глубокий замысел. Обратимся к трагедии и посмотрим, что дает повод говорить о глупости патриарха. Вот его восклициание при известии о бегстве Гришки: «Уж эти мне грамотей! Что еще выдумал! .. Буду царем на Москве . . . Ведь это ересь, отец Игумен. — Ересь, святой владыка, сущая ересь».²

¹ Пушкин, Полное собрание сочинений, АН СССР, 1941, т. 14, стр. 396.

² Пушкин, Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 24.

Не будем уж говорить о боязни перед «грамотеями»; интересно, что патриарх делает грубую логическую ошибку: он смешивает разнородные предметы — политику и религию. В самозванстве Григория нет решительно никакого нарушения церковных догматов, и объявление его «еретиком» означает вопиющее нарушение и буквы и духа христианской веры. Конечно, вряд ли реальное историческое лицо, патриарх Иов, рассуждал так наивно и был столь простоват, каким изобразил его Пушкин. Но самое важное не то, что говорят, а то, что делают. А делают вот что: в известном царевом указе пишется: «... недостойный чернец Григорий, из роду Отрепьевых, впал в ересь и дерзнул, наученный диаволом, возмущать святую братию всякими соблазнами и беззакониями».³ Как мы видим, ошибка Иова повторяется в официальном документе. Тому была основательная причина. Ведь если бы в указе сказать правду, сказать о замыслах Отрепьева выдать себя за убитого царевича, то это, несомненно, внесло бы смуту в умы. Выход был найден: истинное положение дел было скрыто, а Григория приписали небывалую ересь, опасную якобы только для «святой братии». Выходит, «глупое», ошибочное с точки зрения отвлеченно взятых догматов религии оказывается умным и дальновидным с позиций реальной политики. Ошибка Иова — это не заблуждение, не простая погрешность против формальной логики, но проявление логики более сильной, логики материальных вещей, необходимо вытекающей из самой сути всего социального и политического строя. Отказываясь от натуралистической правды в изображении исторического лица, Пушкин вскрывает объективную закономерность, показывает доминанту характера церковных деятелей и всей церкви в целом. Эта идея была справедлива не только для XVII-го, но и для XIX века, она справедлива — в капиталистическом мире — вплоть до наших дней.

Конечно, Пушкин мог бы прибавить ума своему незадачливому герою, но это означало бы изобразить его циником, сознательно нарушающим законы той веры, которую он проповедует другим. Цензура не позволила бы этого сделать. Однако в суровой необходимости поэт обрел свободу. Не греша против художественной правды, он вскрывает новую, и немаловажную, сторону действительности. Далеко не все деятели церкви были сознательными законченными лицемерами. Встречались среди них и такие, которые обслуживали государственную машину бессознательно, более или менее, искренне воображая себя слугами господ-бога. Подобный и важный жизненный тип и вывел Пушкин в Иове.

При обрисовке гражданских лиц цензурные рогатки были менее стеснительны, и Пушкин имел возможность раскрыть суть

³ Там же, стр. 35.

дела глубже и острее. В сцене боярской думы прожженный политик Шуйский недвусмысленно подчеркивает, что вера — это орудие мирской власти, однако, добавляет он, применять это орудие следует умно, учитывая реальную политическую обстановку. Это самое делает и самозванец. Он «равнодушен» к религии самой по себе, ему безразличны догматы враждующих между собою православия и католичества, и отречение от русской веры для ловкого и дерзкого авантюриста — всего навсего разменная монета в его крупной политической игре.

Гаврила Пушкин, человек реалистического, активного ума, прекрасно знает, что Дмитрий — это «смелый плут», «бесстыдный самозванец» и присоединяется к нему из корыстно-политического расчета и из страсти к приключениям, присущей его «мятежной» натуре. А когда надо, он поступает на манер Иова, с той лишь разницей, что он не так глуп, чтоб верить тому, в чем уверяет других. Вот его велеречивое возгласение народу:

Вы знаете, как промысел небесный
Царевича от рук убийцы спас;
Он шел казнить злодея своего,
Но божий суд уж поразил Бориса,
Димитрию Россия покорилась...
Не гневайте ж царя и бойтесь бога,
Целуйте крест законному владыке...⁴

К власти приходят люди новые, а их средства политики, их религиозные ложь и лицемерие остаются старыми, ибо по-прежнему церковь является незаменимым и очень удобным орудием гнета.

Очень сложен образ Бориса. Это человек религиозный, хотя его вера своеобразна и ограничена известными рамками. Когда он поминает бога? Только в случаях столкновений с жестокой стихией природы: его удручает, что бог «наслал глад», бог послал смерть жениху Ксении... В последнем случае Борис ропщет и доходит даже до какого-то бунта; пусть один и грешен, но почему кара обрушивается на других, на чистых и невинных? Где же справедливость и милосердие божии? Вспоминает Борис о загробном «спасении» и на смертном своем одре. Однако даже в такие минуты его больше волнуют государственные дела, и до последнего дыхания он оттягивает «священный» церковный обряд, не страшась риска «погубить» душу, не «очистив» ее покаянием и принятием схим.

Когда же перед Борисом возникают социальные и государственные вопросы, он забывает бога. Так, кризис государства он объясняет причинами хозяйственными (разрухой от глада, мора,

⁴ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 95.

и пр.), а также психологическими и политическими — неблагодарностью народа в ответ на царские благодеяния; он жалуется, что живая власть для черни ненавистна и т. п. Пусть умозаключения Бориса не во всем правильны и не всегда искренни, но его подход к делу, в основном, реалистичен; он исключает влияние на общественные события каких бы то ни было потусторонних сил.

Вполне, после этого естественно, что Борис прозаически, поделовому относится к церкви: это для него — голое политическое средство, одно из многих, чтобы держать народ в повиновении — и ничего больше. Несомненно, по его воле, прямо или косвенно выраженной, патриарх услужливо сочиняет молитву за царя, которую подданным приказано зачитывать при всяких подходящих и неподходящих случаях. Характерно, что в этой молитве Борис объявлен как избранный богом на царство. Но сам он в это явно не верит и в разговоре с Шуйским обосновывает свои права на престол иначе, — народным избранием. В рассчитанном на политическое воздействие обращении к народу упор делается на божественное, а боярину, которого на такой мякине не проведешь, приходится приводить более весомые аргументы, ссылаться на волю людей (разумеется, из верхов), а не на волю бога.

У Бориса Годунова выдающийся ум и в то же время его кругозор ограничен рамками эпохи, он неспособен познать события до конца верно, и, естественно, они порой рисуются ему во многом темной и ужасной стихией, которая подобна непонятной и губительной силе природы, насылающей глад и мор. Когда у Бориса обнаруживается бессилие мысли, это толкает его к религии. К какой? К языческой, а не христианской. В своих попытках узнать будущие свои судьбы Борис зовет к себе колдунов. Почему же он не обращается за помощью к представителям религии православной, более высокой и развитой, которую он исповедует? Можно думать, эта странность объясняется тем, что в попах и монахах царь видел не доверенных бога, а только своих излишне покорных и угодливых слуг: разве можно было ожидать от них правды?

Вспомним теперь высказывание Пушкина о Борисе в его письме к П. А. Вяземскому: «Благодарю тебя за замечание Карамзина о характере Бориса. Оно мне очень пригодилось. Я смотрел на него с политической точки, не замечая поэтической его стороны; я его засажу за евангелие, заставлю читать повесть об Ироде и тому подобное».⁵ И все же, сказав эту приятность в адрес Карамзина, Пушкин опять-таки своего обещания не выполнил. Понятно, почему. Это означало бы усложнить и тем самым затемнить «политическую точку» зрения не только на

⁵ Пушкин. Полное собрание сочинений, т. 13, стр. 226—227.

Бориса, но и на религию. Кроме того, сказание об Ироде было уже использовано, но совсем не в карамзинском духе. По-другому, в другом месте была отражена в трагедии и «поэтическая сторона» религии. Попутно заметим, что поэт склонен был ее преувеличивать.

* * *

Из царских и патриарших палат, с шумной площади Пушкин переносит нас в монашескую келью, к старцу, стоящему вне борьбы низменных честолюбий и грязной корысти верхов, к человеку искренне и глубоко религиозному, чуждому сознательному и бессознательному лицемерию церковных и светских политиканов. Перед нами полная отрешенность от плотских, оскверненных грязью мира страстей, а значит и свобода от мучительных противоречий души, эпическое спокойствие и непоколебимая уверенность в себе и в правоте своего суда над людьми, суда без тени личных эгоистических пристрастий. Действительно, фигура Пимена величава. Кстати сказать, в этом образе Пушкин в известной мере отразил прогрессивную, культурно-историческую роль монастырей и вообще церкви в древней Руси.

Вместе с тем аскетизм Пимена идет не от изуверства какого-нибудь фанатика, не от молитвенного упоения полуидиота Федора и им подобных людей, лишенных нормальных человеческих влечений. У Пимена сильная страстная натура: когда-то он полной мерой вкусил сладость и горечь земной жизни. И, вероятно, лишь какая-то личная катастрофа загнала его в монастырь, вынудила искать утешения в религии. Недаром во сне его душа, выходя из-под контроля сознания, сознания религиозного, волнуема ушедшими в прошлое «утехами» полнокровной жизни. Близки ему и понятия переживания юноши-монаха, у которого «младая кровь играет».

Григорий грубо ошибался, думая, что святой отец, его наставник

Спокойно зрит на правых и виновных,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не ведая ни жалости, ни гнева...⁶

Нет, Пимен совсем не таков. Присмотримся к ходу его мысли. Он говорит о целях своего летописания:

Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу,
Своих царей великих поминают

⁶ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 18.

За их труды, за славу, за добро, —
А за грехи, за темные деянья
Спасителя смиренно умоляют...⁷

Как же летописец следует этой своей установке в оценке двух хорошо знакомых ему самодержцев? Ему было известно, что у Бориса никогда не было безумного неистовства Ивана Грозного в мучительствах и казнях, когда страдали и гибли больше невинные, чем виновные. Правда, Бориса народная молва обвиняла в цареубийстве, но это мог быть оговор, а вот в отношении Ивана Грозного было точно доказано, что на его душе лежал такой же, даже еще более тяжкий грех: он обагрил свои руки кровью царевича, притом собственного своего сына. Все это знал, не мог не знать Пимен. И что же? Об Иване он говорит сочувственно и даже с симпатией, а Бориса прокликает, предвещая божьи кары всему народу за его, ничем не доказанное преступление. У Бориса отнимается благодарность за его «труды, за славу, за добро», действительно принесенные им Руси; все это ставится в заслугу Феодору, а так как царь-богомолец явно был негоден к государственным делам, то все хорошее относится за счет воли и милости господней.

Мы убеждаемся, что Пимен фанатически пристрастен, у него нет и тени объективности, а тем более, логической последовательности. Чем это можно объяснить?

В Угличе он видел народный самосуд над Битяговским и другими, обвиненными в убийстве царевича. Яркое, незабываемое впечатление от ярости толпы, воспринятая от народа и органически усвоенная ненависть к Борису — это для Пимена неопровержимые аргументы; их бессильны поколебать какие угодно логические доказательства, какие угодно факты о благой деятельности Годунова. Впрочем, логика для монаха вообще не имеет цены. Пимен отрицает разум, он судит «не мудрствуя лукаво». (VII, 23) Бессознательность его восприятия рождает в нем иллюзию, что его устами глаголет не он сам, не земной человек, а некая небесная сила.

Что же оказывается? Подмен государственного религиозным, тот подмен, который так беззастенчиво используют в своей нечистой игре владыки мира сего, у Пимена выступает как искреннее убеждение честного человека. Это не индивидуальное нечто, а типичное общественное явление. Оно характерно и для широких масс.

Именно с этой точки зрения Пушкин вскрывает земную основу обожествления царя. Характерно, что это он делает устами простого человека, а не через Пимена, удаленного от бурной

⁷ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 17*

практики жизни. В сцене у Новодевичьего монастыря человек из народа восклицает:

А царство без царя
Как устоит — подымется раздор,
А хищный хан опять набег готовит...
Кто отразит поганую орду...
О горе нам — ...⁸

Здесь, — в словах, не выдуманных поэтом, а выхваченных им из жизни «века минувшего», — передано выстраданное за века понимание народом прогрессивной роли московского централизованного государства. Оно — узда для феодального разбоя и усобиц внутри страны, защита от грабительских нашествий извне ее.

Отсюда проливается свет на глубокие причины остервенения масс в Угличе. Вот как примерно можно себе представить ход мысли народной: кому выгодно поднять руку на царевича? Конечно, боярам, заклятым врагам крепкой царской власти. И сразу же всплыло имя Бориса, и он мгновенно и навсегда был осужден. Много лет протекло, и в темной келье вновь вершится этот суд. Пусть дряхлый, младенчески простодушный и смиренный монах неспособен к борьбе и страшно далек от нее, но его устами высказано «мнение народное», и в нем ужасная угроза для Бориса. Пусть пока все перед ним трепещут, но он уже обречен.

Надвинулся общественный кризис, и царистская идея наполняется социальным содержанием, — в ней дышит протест против отмены Юрьева дня, гнев против усиления крепостничества. Как известно, именно этот факт показан Пушкиным как основная движущая сила событий.

Напряжение нарастает. Крамольные речи звучат уже на площадях. По понятным причинам Пушкин вывел на сцену лишь то, что выражалось не в прямой, а в религиозной форме. И вновь вскрывается разноречивость и отсутствие логической связанности в древнем мышлении.

В Кремле, выходящий из собора человек, услышав, что царевичу Дмитрию поют «вечную память», негодуя, грозит попом: «вечную память живому! Вот уж будет им безбожникам».⁹ Интересно, что прислужничество церкви преступному царю клеймится как кощунство, как грех против веры. Минутами позже, у того же собора, происходит столкновение всемогущего царя и Николки. Юродивый всенародно возглашает: нет прощения «царю-Ироду». Двумя лицами высказываются две взаимоисключающие версии: царевич жив, он же убит. Но эти про-

⁸ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 273.

⁹ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 76.

тивоположности относительны. В них равно воплощена одна и та же, роковая для Бориса идея, идея, ведущая к низвержению его самого и его династии. Эта идея созрела и стала духовным оружием масс именно потому, что народному терпению пришел конец. В этом основа силы и залог победы самозванца: его появление отвечало назревшей социальной потребности.

Но еще до появления самозванца Борис, чувствуя, что он развенчан в душе народной, невозможность править по-старому, он ощущает, как его мощь становится все более и более призрачной, он теряет уверенность в себе и во всем. Когда-то он хладнокровно слушал об убиении младенца, а теперь (только теперь!) проснулась совесть, спавшая до того, и при одном упоминании имени Дмитрия царя охватывает смятение.

И вот пришла развязка. Годуновы свергнуты. Но все остается по-старому. Тому есть и идейные причины. Мысль народа порождена реальным миром и отражает его. Но все же она крайне смутна и отягощена глубокими заблуждениями. Все хорошее, прогрессивное в государстве отождествляется с идеальным образом царя, он гиперболизируется, ему придается непомерное значение.¹⁰ Отсюда — только один шаг до религиозного, до слепого культа, его создают, и он приобретает огромную власть над сознанием народным. Реальные интересы масс выражаются в затемненной фантастической и крайне ущербной форме. Иначе и быть не могло. Энгельс указывал, что в средние века массовые идеи, даже демократические, необходимо выступали в религиозном облачении. Это свидетельство отсталости мысли простого человека, обусловленной отсталостью жизни. Поэтому-то, между прочим, политический и религиозный обман, идущий сверху, слишком часто с верой воспринимался в низах. В этом заключалась великая трагедия народа, и не только в XVII веке, её понял и глубоко вскрыл Пушкин. Горечью дышат его слова: «Люди умные обратили внимание на политические мнения Пимена и нашли их запоздалыми». К несчастью, эти «мнения», отражая крестьянскую веру в царя, были актуальны и через двести лет после пименовских времен.

* * *

Поразительна глубина и объемность видения Пушкина. В каждом его образе «бездна пространства». Это можно сказать и о раскрытии им сути религии. Она представлена не плоско, а объемно, как сложный сплав национальных, политических и моральных моментов.

¹⁰ Даже восстание Болотникова шло под знаменем «царя» Петра Федоровича. Это было уже после недавних опытов народа с тремя царями — с Борисом, Лжедмитрием и Шуйским.

¹¹ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XI, стр. 68.

Вспомним сцену в корчме. Перед нами на сцену выходят колоритные фигуры. С одной стороны, государевы пристава: службу свою несут они из рук вон плохо, зато успешно «обирают... бедных». С другой стороны, — бродяги-монахи, мирские захребетники; они выманивают у народа тяжелые трудовые копейки, якобы, на церкви божии, а на деле — на пропой души.

Те и другие как будто друг друга стоят. Это на наш взгляд. А у Пушкина древние люди судят иначе. Хозяйка корчмы срамит слуг царевых на чем свет стоит, это и естественно, но странно, что она пьяниц-монахов принимает сердечно и потчует, как дорогих гостей. Такое поведение решительно не вяжется со здравым смыслом. И тем не менее оно обосновано.

Присмотримся же к образам монахов. Что характерно для Варлаама? Он числится в рядах Христова воинства, пользуется его выгодами, а сам зло издевается над поповщиной и ненавидит всяческий аскетизм. С негодованием встречает он отказ Григория от выпивки: навязался, де, в товарищи, а сам разгрызает «постника», а это в глазах Варлаама — нечто отвратительное, порочащее любого человека. Гнев меняется на милость, когда монаху показалось, что Григорий один грех предпочел другому: «эй, товарищ! — восклицает он, — да ты к хозяйке присуседелся. Знать, не нужна тебе водка, а нужна молodka, дело, брат, дело».¹²

Все эти зазорные выходки ничуть не коробят хозяйку корчмы, не умаляют ее симпатий к «честным отцам». Такое поведение простодушной женщины, несомненно, типично. Варлаам сыт и пьян за счет простых людей, и он скоро прикусил бы язык, если бы встречал от своих слушателей отпор, а не сочувствие.

Возникает вопрос: не выражает ли забулдыга-монах какие-то думы и чаяния народные? Так оно и есть. Ядовитое балагурство Варлаама заострено против религиозного учения о «греховности», об «умерщвлении плоти», в нем возвеличивается право человека на земное счастье здесь, в этой жизни, и отменяются обещания загробного блаженства там, на небесах. Перед нами, пусть и грубая, наивно-стихийная, теоретически-неосознанная, но материалистическая идея, идея, отвергающая основные догматы христианства, столь выгодные верхам, и потому близкая простому труженику, и она всегда, хотя бы в зародыше, живет в душе народной.

В определенных условиях эта идея развивается, выходит из сферы быта, из рамок жизни индивида и насыщается взрывчатым социальным содержанием: она освобождает умы от гипноза религиозного освящения всяческого гнета и помогает массам подняться на борьбу за свои материальные интересы. Именно такие исторические условия отражает пушкинская трагедия.

¹² Пушкин, Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 30.

Отсюда следует: сцена в корчме — это не простая интермедия с показом оригинально-гротескных типов, помогающая, одновременно, раскрыть некоторые черты характера главного героя. Нет, основное и решающее в данной сцене — это отражение (пусть в парадоксальной и косвенной форме) большой народной идеи в пору «великих мятежей».

Смешно было бы подумать, что Варлаам как-то отдает себе отчет о возможности крамольно-бунтовщических выводов из своей бесшабашной философии: он думает лишь о своей утробе. Больше того, понося поповщину, он нисколько не чурается поповского лицемерия. При случае, например, чтобы отделаться от вымогателей-приставов, он показывает себя мастером таких вот постноблагочестивых обличений: «Плохо, сыне, плохо! ныне христиане стали скупы; деньгу любят, деньгу прячут. Мало богу дают. Прииде грех великий на языцы земнии. Все пустились в торги, мытарства; думают о мирском богатстве, не о спасении души». ¹³ Характерно, что хозяйка корчмы прощает монаху его криводушие: она как бы считает, что в обращении с царевыми приставами все средства хороши, все оправданы.

И все же, при всей грязной циничности своего поведения, Варлаам выше и человечнее высокоморальных «постников» и других святош в духе строгой религии.

* * *

Антискетическое «вольнодумство» народа имеет глубокие исторические корни, и они тонко раскрыты Пушкиным.

Варлаам, отчитывая «постника» Гришку, резко бросает ему: «хочешь жить, как мы, милости просим, — нет, так убирайся: скоморох попу не товарищ». ¹⁴

Что такое скоморох? Это носитель народного, уходящего в глубокую древность искусства, того искусства, которое церковь (и не без оснований) приравнивала к язычеству. А эта старая, общинно-племенная религия не только противостояла православию, но нередко давала и знамя борьбы против нарождающегося феодализма с его княжеской властью. Прежде всего поэтому так жестоко преследовались волхвы. Однако по социальным и другим причинам язычество оказалось очень живучим и продолжало существовать века и века. Как мы знаем, сам царь Борис грешил двоеверием.

Не менее, чем волхвов, власть и церковь искореняли скоморохов. Им, пожалуй, приходилось более туго. И все же эти разгульные пересмешники, плясуны, певцы, музыканты, композиторы, поэты и сказители, долго держались, опираясь на любовь

¹³ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 32.

¹⁴ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 29.

народа. Они сохраняли и развивали художественные традиции старины, а больше всего — буйную жизнерадостность, исключаящую всякий аскетизм, дополненную издевками над поповщиной, так им ненавистой. И сдаётся, наш Варлаам смолоду был не кем иным, как скоморохом: он на деле таким и остался под монашеской рясой. Эта личина напаялена им на себя явно по нужде: ведь по душевному своему призванию он художник.

Когда предка Пушкина спросили, что такое п и и т, он это иноземное слово перевел древним русским словом скоморох.¹⁵ Что же, Варлаам — поэт, и недюжинный. Он говорит ярко, сжато и содержательно, то и дело переходя на звучные стихи. И все это без позы, непринужденно, из внутренней душевной потребности. Народ, ценитель живой поэтической речи, особенно речи, брызжущей весельем и сатирой, уже за одно это многое прощал седому греховоднику.

В облике этого жизнелюбца есть сходные черты с подобными же героями фольклора и литературы западно-европейского Возрождения, той эпохи, когда, разбивая оковы церкви, мощно возрождалась древняя «языческая» культура, античная и народная. Этот всемирно-исторический процесс шел и на Руси. Пушкин его отражал в специфически-национальных формах.

* * *

Всем ясна первостепенная для художника роль жизненного материала по сравнению с литературными источниками. О необходимости соответствующего изучения часто говорят, но редко это делают. Задача очень уж трудна. В нашем случае она легче. Мы довольно много знаем о живой жизни, окружавшей поэта в деревенской ссылке.

Именно в Михайловском Пушкин впервые дружески-тесно сближается с простым трудовым народом, познает его разум и предрассудки. С одной стороны, перед ним раскрывается мудрость народной практической мысли и поэзии с их наивно материалистическими, даже атеистическими тенденциями. С другой стороны, поэт столкнулся с наивной ограниченностью мысли крестьянина, с его ложными иллюзиями, с его дикими суевериями. Весьма вероятно, встречал он тут и юродивых, чем-то напомиающих Николку древнего Пскова.

Именно в Михайловском, как «богоотступник», со тщанием опекаемый «святými» отцами, Пушкин особенно близко узнал практику официальной и закулисной деятельности церкви через свои, порой довольно тесные (вплоть до интимных выпивок), связи с духовными лицами, начиная от епископа и игумена и кончая сельским попом Шкодой и бродячими монахами.

¹⁵ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. V, стр. 269.

Добавим, что в этой среде Пушкин, конечно, превосходно освоил своеобразный «бурсацкий» фольклор типа «Калязинской челобитной», «Сказания о бражнике» и т. п. Подобные, слишком редко записываемые творения бытовали вплоть до советского времени.

Весь этот материал Пушкин впитывал и осмысливал с широкими идейными позициями, и это помогло ему глубоко «прочитать» исторические и другие источники, вскрыть в них потаенное, невидимое для обычного глаза содержание, и воплотить в образах «минувший век во всей его истине»,¹⁶ а одновременно, поставить и художественно решить важные мировоззренческие проблемы.

¹⁶ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XI, стр. 181.

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
ПСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ имени С. М. КИРОВА
КАФЕДРА ЛИТЕРАТУРЫ

ПУШКИНСКИЙ СБОРНИК

ПСКОВ
1962